

бок страна дураков? Большая-большая страна больших-больших дураков... Стоит ли желать себе такого соседства и себе по мере сил его создавать?..

Никто не лезет в слишком умные и хорошие, не лезет, по обычаю соцреализма, напролом в классики - во всяком случае, не лезут Булатов и Васильев, которых я имею в виду в первую очередь; не лезут Инфанте или Шаблавин. Надеюсь, что не лезу и я. Все перечисленные получали десятки лет непрерывно лошадиные дозы прививок именно таких устремлений. И уж если не захворали, так должны иметь серьезный иммунитет.

Дело не в каких-то русских претензиях - скорей уж, в скромности. И в том, что называют национальной спецификой - а как Вы думаете, г-н Вир, рассуждая чисто априорно: может ли не быть такой специфики в искусстве страны с такой специфичной историей - страны, в которой шло такое беспрецедентное оболванивание - о чем мы говорили?

Очевидно, могут быть два подхода. Либо нас интересуют именно успехи этого одурачивания-оболванивания, колоссальные залежи, напластования дури за три четверти века, дури в разных модификациях и бесконечных отражениях - но дури, и только дури. Ничего, кроме дури: Гримасы тоталитаризма, гримасы тоталитаризму, из-за тоталитаризма, по поводу тоталитаризма, вслед ему и т. д. Поскольку, дескать, ничего, кроме дури, там за 70 лет заведомо не могло и остаться. Нашей дури, такой похожей на вашу - однако, к счастью для вас, как известно, уже достаточно давнюю.

Вполне возможный подход, но, во-первых, не очень, на мой взгляд, интересный уже потому, что более чем разработанный. А во-вторых, в этом случае, к сожалению, у нас с вами не остается общей почвы.

Г-н Вир, для жителя России Германия может показаться сущим раем - на вид, по крайней мере. С обитателями, вкушающими, как полагаются, заслуженное справедливо блаженство. Во всяком случае, у меня, например, от немецкой публики остались близкие к таким впечатления. Но уверяю Вас - ни за какие марки не согласился бы я выступать в этой райской стране перед такой чудесной публикой, знай я, что чудесная публика пришла поглядеть, как я буду изображать дурака - и только... Предположение, впрочем, чисто умозрительное - ни разу ни на момент подобных ощущений в Германии у меня и близко не возникало.

И наконец, в-третьих, самое существенное - мы же говорили о национальной специфике - верно? Так где же ее нам искать: бесконечно наслаждаясь максимальным сходством - или приглядываясь и к некоторым различиям внутри этого сходства?

И остается другой подход, с другой стороны: дурь дурью, ее не обойдешь, и обходить ее и не надо, но интересна нам не так сама дурь, как точка вне дури - не только успехи дури, но и ее неудачи; как превращалась, понятно, а вот как все-таки не превратилась страна окончательно в страну сплошных дураков. Разве не любопытно?

Понимаете, между нами простая разница - у нас не было Западной России и Восточной России. Эмиграция - это другое. И податься нам было куда - ни буквально податься, физически, ни на чем передохнуть глазу и отвести душу. А приходилось не то что там перетерпеть, напрягшись, судорожное лихолетье - военное, предвоенное, а жить здесь, и жить - от начала и до конца. И просто не оставалось ничего другого, как наживать, зарабатывать какую-то свою точку жизни. Не сразу, может быть, как получится. Однако, не бросая это занятие. Точку, но живую вполне. В этом все дело - точку жизни все-таки полноценной и полнокровной. Мы не только не умели - мы не могли уметь делать такое же великое специализированное авангардное искусство, какое делали когда-то, какое делают во всем мире. И не только по судорожному ходу нашей истории с ямами, провалами и вечной необходимостью догонять кого-то в суматохе - действительно, еще никто никого не догонял в авангарде - догоняют авангард.

Но у нас вряд ли и могла получаться подобная специализированность по-настоящему - действительно лучше всех. Большое спасибо уже, если Запад и, в частности, немецкая художественная среда соглашается иногда признать, что довольно многое у наших маститых и молодых вышло и выходит НЕ ХУЖЕ. Вопреки, дескать, всему соцреализму, всем трудностям.

Спасибо. Но, г-н Вир, согласитесь: НЕ ХУЖЕ - в этом случае не разговор. Авангард - то, что впереди = то, что ЛУЧШЕ. Существует, насколько знаю, мнение, что Германия вышла на "солнечную сторону истории", сумев преодолеть целый комплекс стереотипов, опровергнуть слишком расхожие о себе представления. Думаю, что-то подобное можно сказать и о русском искусстве - история учит волей-неволей. Жизнь недавно.

И всем, кому так или иначе хотелось знаменитой удали, воли и демонстрации свободы движений в искусстве, приходилось слишком уж трудно. Трудно внутренне, не говоря о прочем. Какая уж удаля в жизни под начальством: только и следи, чтоб не пустить петуха, совсем фальшивую ноту (я не имею в виду официоз, с ним все ясно - а общий жизненный тонус и модус).

С другой стороны, что же такое АВАНГАРД, как не максимум именно освобожденности движения, чтоб оно смогло выяснить до конца свою природу - какое оно на самом деле. Авангард если не русский (якобы) размах и удаль, то безусловно освобожденность - русская или какая. Но как раз у русских с освобожденностью и были сложности. В итоге лучше у нас получился немножко другой авангард. Скажем так - не прорыв, а плацдарм. Площадочка или та же точка. Не так размах, как собранность - для выживания.

Согласитесь, что выживание не бывает претензией. (Жаль, жаль, что с живописью Олега Васильева Вы, г-н Вир, остаетесь незнакомы - как и вся

немецкая публика. У него на полотне и в листе иногда это выгораживание и обихаживание живого места бывает подано наглядно, даже демонстративно, каким-то конструктивным ходом. Вроде обустройства огорода на подоконнике). И несколько, возможно, классичное на чей-нибудь западный взгляд - особенно на первый взгляд - обличие работ Булатова или Васильева, их традиционная и глубоко органичная изобразительность и, в конечном счете, преданность целостному образу мира - меньше всего претензия. Это просто необходимость. Необходимость нормальной живой жизни в недеформированном виде.

Деформация, эксцесс, заведомо уравниваемым общим контекстом - вообще не эксцесс, а максимальное выявление одной, скажем, возможности. Но у нас такой уравнивающий разные возможности контекст приходилось именно создавать самому - и этот находимый контекст, ощущение среды и нормы, общая интонация, может быть, и есть самое ценное. Скажем так - всего лучше получилось у тех, кто сумел выступить не за одну партию, а за парламентаризм в целом. И, на мой взгляд, получилось искусство и не классичное, а именно что классическое. Не на вид, а на самом деле. На самом деле - потому, что получилось оно естественно, как бы даже непреднамеренно - об этом я могу сказать и как зритель, свидетель искусства тех же Булатова и Васильева еще с середины 60-х годов, и как практик - о своем самочувствии. Тогда мы просто не могли не пытаться быть авангардистами, не ощущать себя авангардом - уже в силу необходимости сопротивления расправе над авангардизмом = расправе над искусством как свободным исследованием. Расправе в формах советского шовинизма, изоляционизма и ретроградства. Расправе постоянной, устойчивой и отбивавшей самый вкус к таким словам, как Русское искусство или даже Третьяковская галерея. И тем не менее, когда получалось тут у кого искусство, искусство получалось, естественно, русское - так же, как в Германии немецкое и т.д. Да и Третьяковская галерея сидела с детства, что называется, в печенках.

Но думать об этом, в общем, не думали. Больше думали все о том же - а что же делается там. Там, у людей, у вас, г-н Вир, где искусству никто и ничего не мешает. Т. е. какое сейчас искусство на самом деле. И как бы нам умудриться не поддаться расправе ни с какой стороны, чтоб и у нас тоже получилось что-то на самом деле, что-то не хуже, чем у людей. Это-то посильное, но истовое, напряженное даже участие в общемировом текущем опыте искусства вопреки официальной установке и при глубинной, не всегда даже осознаваемой соприродности национальным изобразительным традициям (тут, очевидно, сказались еще и солидное художественное образование Булатова и Васильева) и дало, думаю, свои результаты.

Глазунов, Шилов и многие другие декларируют верность русской художественной школе, по сути, понимая ее как приверженность изображению, пейзажу и портрету вопреки всему - и прежде всего, вопреки опыту мирового искусства, начиная с импрессионизма. Получился или нет князь - неважно. Главное, князь.

Булатов или Васильев доказывают возможность пейзажа, портрета, вообще изображения в той полноте образа, к которой и стремилась давняя русская художественная традиция - да разумеется, и не только русская - но возможность не вопреки, а именно благодаря этому мировому опыту. Тому самому опыту, от которого нас пытались тут оторвать предшественники Глазунова, и который именно в силу этого пришлось усваивать и осваивать самим активно и заново - чуть не с импрессионизма и до концептуализма и далее... И именно по ходу этого усвоения в рабочем порядке, отнюдь не в порядке выполнения какой-то задаваемой программы, приходя все ближе и ближе к себе, протавая и протирая окошки в целостный живой мир. Поскольку одна из главных забот и была - чтоб освоение никак не означало подражания: освоение шло постепенно только по мере выяснения собственных реальных возможностей освоения. А они оказались вот такими. В итоге Булатову с Васильевым, может быть, как никому, удалось, на мой взгляд, залечить более чем полувековой насильственный разрыв в истории русского искусства, зарастить отрыв от искусства мирового, живьем показав возможности и конкретный путь не волюнтаристского игнорирования, а органического интегрирования русской живописной традиции в общемировой художественный опыт. А может быть, и внеся в него тем самым кое-какой вклад. (продолжение следует)

Александр Китаев. Из цикла "Tara INCOGNITA".

* О том, что концептуализм вовсе не представляется мне флюсом, каким его удобно подавать Кабакову-Гройсу-Пригову, я писал и даже печатал не однажды. Другой разговор, что это написанное волшебным образом остается неведомо немецкой аудитории. Этот другой разговор мы немного продолжим ниже, а пока только скажу, что концептуализм у нас здесь проявил себе прежде всего не как специфическое явление, а как общая фундаментальная тенденция, и позволю себе сослаться хоть на свою статью "Как было дело с концептуализмом" (ЛГ, 90 г., N 31).